

Мария Галина

Поводырь

*Часть сборника
Ближний контакт (сборник)*

Мария Галина

Поводырь

«ЭКСМО»

2007

Галина М. С.

Поводырь / М. С. Галина — «Эксмо», 2007

«Аргус теснее прижался к моему колену, и так, бок о бок, мы вошли в шлюз. Приветливая стюардесса машинально улыбнулась заученной улыбкой, но, когда увидела аргуса, лицо ее вытянулось. Я не предвидел, что такое может быть. На больших трассах к аргусам относятся иначе. Да что там, на внешней базе тоже все было в порядке...»

© Галина М. С., 2007

© Эксмо, 2007

Мария Галина

Поводырь

Аргус теснее прижался к моему колену, и так, бок о бок, мы вошли в шлюз. Приветливая стюардесса машинально улыбнулась заученной улыбкой, но, когда увидела аргуса, лицо ее вытянулось.

Я не предвидел, что такое может быть. На больших трассах к аргусам относятся иначе. Да что там, на внешней базе тоже все было в порядке.

– Я не уверена, – сказала она, – формы жизни...

– На аргусов это не распространяется. Есть специальная поправка.

– Я спрошу капитана.

В надключичной ямке у нее дрожала крохотная, завитая перламутровой раковиной «болтушка». Я видел, как шевелятся ее губы, бесшумно, потому что «болтушка» работала в интимном режиме.

Потом она вновь обратила серебряные глаза ко мне и кивнула.

– Регистрация есть?

Я протянул ей карту; в ультрафиолете засветился зеленоватый шарик.

– Это мой, – сказал я. – Моя виза. А вот этот – поменьше, пурпурный – его. Аргуса.

За моей спиной в панорамном квазиокне восходила Земля. Я понял это по тому, что стал отбрасывать еще одну тень.

– Капитан сказал, нужен намордник, – сообщила она, возвращая карту.

– Но это же не собака!

– Тем более.

Я пожал плечами. Ничего подобного я не предусмотрел. Впрочем, по уставу форма моя предполагала ремень, абсолютно бесполезный и чисто декоративный. Я сделал из него петлю и захлестнул ею морду аргуса. Тот укоризненно отвернулся, но стерпел.

– Он слепой! – пораженно воскликнула стюардесса.

– Да.

– Я хочу сказать... у него же вообще нет глаз!

– Верно, – согласился я.

– Почему же их тогда...

Потому что они видят больше, чем ты, хотел сказать я, потому что их зрение иное, оно простирается в глубь силовых полей, туда, где человек слеп и беспомощен...

Но вместо этого я пожал плечами.

– Проходите в передний конец салона, – сказала она, – там места для пассажиров с животными.

С каких это пор в лунных модулях разрешается перевозить животных?

Я сел в переднее кресло – между ним и стеной было незначительное свободное пространство, где аргус смог уместиться. Он лег, положив голову на лапы; ременная петля стягивала челюсти.

Салон стал постепенно заполняться пассажирами. Рядом со мной села молодая женщина, явно из лунных туристов, иными словами, очень состоятельная. На руках она держала крохотную собачку: плоская морда и глаза-блюдца...

Хозяйка поерзала, устраиваясь в кресле.

– Кто это у вас? – спросила она.

– Аргус.

Она напряглась.

– Это не опасно?

Уже нет, подумал я, все, что он мог сделать, он уже сделал.

А вслух сказал:

– Что вы, что вы... Он никого не обидит.

– Тогда почему же он в наморднике?

– Такие правила.

Ее-то собака была без намордника, впрочем, она ведь такая маленькая.

Женщина, кажется, успокоилась.

– А вы ныряльщик, да?

На ее веках, когда она прикрывала глаза, распахивала лиловые крылья голографическая бабочка. Я никогда особо не любил бабочек, поэтому старался на нее не смотреть.

– Да. Бывший.

– Надолго к нам?

– Еще не знаю. Как получится.

Собака у нее на руках часто-часто задышала, вывалив язык. Только по этому, да еще по чуть заметной вибрации, волной пробежавшей вдоль позвоночника, я понял, что мы летим. Никакой перегрузки, ничего... С тех пор как я был здесь последний раз, технологии здорово продвинулись.

Свет замерцал и стал черным. Глупое словосочетание – черный свет, но я всегда именно так его и ощущал. Внутри этой черноты парили ряды светящихся коконов: каждый пассажир распространял вокруг себя слабые поля. Впереди раскрылся гигантский лиловый цветок с черной сердцевиной, и в нее, в эту сердцевину, нацелился нос корабля.

Они протянули червоточину даже здесь, на внутренней трассе, между Землей и Луной... Просто так, для туристов!

Я взглянул на соседку: светящийся птичий скелетик, окруженный топорщащимся пухом собственных биологических полей, собака у нее на руках – скелетик поменьше, а в том месте, где силовые поля двух организмов соприкасались, пух, казалось, примялся. Корабль вынырнул уже на околоземной орбите; я моргнул, приводя зрение, а с ним и окружающий мир в норму. Соседка деловито разглядывала себя в корректирующем зеркальце, легко прикасаясь к отражению то там, то тут. Потом вновь обернулась ко мне.

– Что вы делаете сегодня вечером?

В этот миг раздалось дружное «ах!» – стенки стали прозрачными, в панорамных квазиокнах я увидел Землю, вернее, северное ее полушарие, бугрившееся морщинистой водной поверхностью; города светились, как груды рассыпанных углей... Странное сравнение, я никогда не видел рассыпанных углей. Должно быть, читал когда-то...

Аргус пошевелился рядом с моей ногой.

– Да? – переспросил я соседку: я помнил, что она спросила меня о чем-то, но не помнил о чем.

– Что вы делаете сегодня вечером? – повторила она с еле заметным оттенком раздражения в голосе.

Она, видимо, была в свободном полете – из тех, кто все время гонится за новыми ощущениями... Вряд ли ее интересовали мои скромные сбережения. Скорее окружающий ныряльщиков романтический ореол.

– Меня ждет невеста, – сказал я.

* * *

Вокзальный терминал был огромен; в первый момент я растерялся. Аргус по-прежнему жался к моей ноге. Ему было неуютно. Я подумал, может, на самом деле это мне неуютно, а он чувствует...

Вокруг деловито сновали люди, сотни людей... Я забыл, что их может быть так много. Крикливые. Ярко одетые. И все – без биозащиты.

В центре зала возвышался памятник. Человек в летном комбинезоне положил руку на холку массивного зверя с тяжелой головой.

На постаменте выгравирована надпись.

Я догадывался, что там написано. Что-нибудь очень пафосное, отчего у меня уже сейчас начали гореть уши. Я отошел в тень, чтобы оказаться как можно дальше от глупого памятника.

И тут же отозвалась моя «болтушка».

– Да?

Она, подумал я, больше звонить некому.

– Это ты? – голос был тоненький и зудел в ухе, точно комар. – Я у колонны.

– У какой колонны?

– У «Сайко»...

Миг спустя я сообразил, что «Сайко» – это какой-то новомодный энергетический коктейль, а колонна на самом деле имитировала огромную, причудливой формы бутылку. Еще через миг я увидел ее.

Я ее узнал, и это было уже хорошо; известно, что невесты по переписке часто подправляют свои видео, желая выглядеть лучше. Но она была именно такая, какой я ее себе представлял: хрупкая, светловолосая, с тонкой талией и пышной – уж не знаю, насколько природной – грудью.

Я не знал, что сказать.

Когда стоишь на вахте, предоставив автоматам невидимыми щупальцами обшаривать пространство в поисках новой червоточины, время тянется и тянется. И почему-то находится много слов: о городе моего детства, о базовой школе, о летном училище, о том, как я прошел аргус-тест, как радовался – профессия ныряльщика считалась самой почетной, самой романтической... Я в детстве мечтал о собаке, а аргус – это ведь гораздо лучше собаки. Потому что, в отличие от собаки, это на всю жизнь.

И еще я слышал, что человек с аргусом больше не одинок.

Они ввали.

Она тоже рассказывала о детстве, о том, как не ладила с отцом, о том, как сначала было интересно заниматься дизайном тканей, как ей одиноко, и о том, что она хочет серьезных отношений, а нет подходящего человека...

Сейчас я сообразил, что ничего особенного она, в общем-то, не говорила.

Да и я тоже.

Она узнала меня и сделала неуверенный шаг навстречу. Потом увидела аргуса.

– Это что? – вот ее первые слова.

– Мой аргус.

– Я думала... ты мне про него не говорил.

– Как же не говорил? Много раз.

– Да, но я не думала, что с ним... на Землю...

– Я же ныряльщик.

– Ну и что?

Я подумал: вот мы и нашли тему для разговора, но совсем не ту, которую мне хотелось.

– Ныряльщики не оставляют своих аргусов. Никогда.

– Но почему?

Она даже не удосужилась хотя бы что-то узнать про человека, с которым собирается жить.

– Давай обсудим это потом. Ладно?

Я взял ее под руку. Она напряглась, но не отодвинулась. Теперь, когда она повернулась ко мне в профиль, я заметил, что у нее срезанный, уходящий назад подбородок. На видео она никогда не поворачивалась ко мне в профиль.

Аргус тоже напрягся и плотнее прижался к моему колену.

– Куда мы пойдем? – спросила она излишне оживленно.

– А куда вы... ты хочешь? Я здесь чужой.

Она вновь напряглась. Я понял, что позабыл этот язык тела, когда надо учитывать не только то, что говорится, но и то, что подразумевается. Это легко исправить, я научусь...

На нас оглядывались. Не из-за нее. Из-за аргуса.

– Прости, – поправился я. – Еще не освоился... Я снял бунгало на двоих. На южном побережье. И если ты... в общем, я буду рад...

– Только ты и я? – она заглянула мне в глаза.

– Да.

– А аргус?

– Аргус прилагается.

Она промолчала. Я шел, стараясь подладиться под ее шаг, и думал, что все не совсем так, как я себе представлял.

– Я взяла отпуск, – сказала она наконец.

– Очень хорошо.

– На две недели.

Я, кажется, начал понимать то, что она прячет за словами. Она оставила себе путь к отступлению.

– Так что, – закончила она, – мы можем сходить пообедать, а потом сразу махнуть к тебе. Но пообедать не получилось.

Я хотел устроить ей праздник и заказал столик в самом шикарном ресторане, но с аргусом нас туда не пустили. Я начал пререкаться с метрдотелем, и он вроде собирался уступить, по крайней мере, готов был накрыть столик на веранде, но я увидел, что моя невеста злится. Ноздри у нее раздувались, губы поджались, а жилы на шее напряглись. Она была совсем нехороша в эту минуту, и я почувствовал ноющую тоску. Аргус тоже тосковал, ему было неудобно, и я не мог понять, то ли я улавливал его эмоции, то ли транслировал ему свои собственные.

– Пойдем отсюда, – сказала она.

– Но чем плохо на веранде?

Я предпочел бы сесть, выпить чего-нибудь холодного, поглядеть меню – не помню, когда я последний раз держал в руках напечатанное на бумаге ресторанное меню. А заодно и приглядеть что-нибудь для аргуса – скоро аргус проголодается, а когда он голоден, ему делается нехорошо. А значит, и мне делается нехорошо.

– Я сказала, пойдем отсюда. Ненавижу, когда меня унижают!

Понятно: она из тех, кто не умеет уживаться с людьми, из тех, кто считает, что все кругом только и думают, чтобы устроить ей какую-нибудь пакость. Теперь ясно, почему она вступила в переписку с одиноким ныряльщиком из глубокого космоса.

Она ладит с людьми еще хуже, чем я!

– Ладно, – сказал я и демонстративно взглянул на часы, желая произвести на нее впечатление человека, который не любит даром тратить время. – Вызывай машину, поехали. Поедим там, дома.

Это ее немного умиротворило. Она, кажется, решила, что мне не терпится оказаться с ней наедине. Ладно, подумал я, главное – устроиться, тогда наладится и все остальное.

* * *

Морской берег действует на все органы чувств сразу; я видел голубое и зеленое, желтое и опять голубое, вдыхал йод и соль, мокрый ветер обнимал меня, песок жег ступни, и песчинки осыпались с кожи...

Я разбежался и упал лицом в брызги, в мокрое, соленое, о котором старался не думать, не вспоминать там, в стальной скорлупе, где любой непредусмотренный звук означал неполадку, а следовательно, катастрофу, гибель...

Если проплыть несколько метров и немножко понырять, я верну былые навыки. А потом можно будет поплавать с маской или даже с аквалангом; в летной школе нас тренировали на подводных симуляторах.

И тут я почувствовал мягкий удар в затылок.

Я совершенно ничего не видел, мне было жарко и плохо, сверху падали беспощадные отвесные лучи, вода была отвратительно мокрой и соленой, ее даже нельзя было пить, вдобавок кожу между моими пальцами грызли маленькие песчаные крабы.

Аргус!

Я поспешно выбрался на берег. Аргус лежал у воды, положив голову на лапы, чуть высунув кончик языка... Я должен был предвидеть: он непривычен к такому перегреву.

Моя невеста сидела в шезлонге, под рукой ведро со льдом, в ведре бутылка с этим самым «Сайко». Я подхватил ведро – лед почти растаял – и вылил воду на аргуса. Тот отряхнулся, почти как собака, встал и, оглядываясь на меня, потрусил в бунгало.

Я последовал за ним.

– Куда ты? – крикнула моя невеста.

– Мне нужно в тень. Слишком жарко.

– Ты выбросил мой лед! – крикнула она мне в спину.

– Я принесу тебе еще.

Я действительно принес ей лед. Бегом, чтобы аргус, лежащий в тени веранды, не успел ощутить мое отсутствие и запаниковать. Потом вернулся, поднялся на веранду, уселся в плетеное кресло и попытался выровнять дыхание. Это оказалось не так уж трудно – море шумело в ритме расширяющихся и опадающих легких. Я люблю море. Аргус, как выяснилось, нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.